

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О КИРГИЗСКОМ ЭПОСЕ «МАНАС»

Киргизская эпопея «Манас» по своим грандиозным масштабам превосходит все до сих пор известные произведения народного героического эпоса. В настоящее время существуют две полные записи «Манаса», из которых каждая насчитывает более 200 000 стихов: от старого сказителя, «великого акына» Сагымбая Орозбакова (1867—1930 гг.) и от нашего современника, сказителя-орденоносца Саякбая Каралаева (род. 1894 г.). К «Манасу» по принципу генеалогической циклизации примыкают поэмы о его сыне («Семетей») и внуке («Сейтек»), которые в версии Каралаева насчитывают также около 250 000 стихов. В более кратком варианте весь цикл записан от сказителя Шапака Рисмендиева, кроме того отдельные эпизоды — от других выдающихся «манасчи» (Тоголок Молдо, Молдобасан Мусульманкулов и др., общим числом более 10 записей). Все эти материалы хранятся в фольклорном архиве Киргизской Академии наук и до недавнего времени были известны в оригинале лишь в эпизодах, опубликованных в популярной серии «Манас» (с 1940 г.). В настоящее время Киргизская Академия наук в сотрудничестве с Союзом советских писателей Киргизии приступила к публикации сводного варианта эпической трилогии на основе двух наиболее полных и художественно полноценных версий — Орозбакова и Каралаева¹.

В дореволюционное время начало научному изучению «Манаса» было положено трудами казахского просветителя Ч. Ч. Валиханова и акад. В. В. Радлова. Сочинения Валиханова, выдающегося этнографа и фольклориста, содержат краткое изложение сюжета эпопеи, с которой он познакомился во время своего пребывания среди киргизов в районе озера Иссык-Куль (1856), и незаконченный перевод эпизода «Поминки по Коктею»². «Манас», — писал Валиханов, — «есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное вокруг одного лица — богатыря Манаса. Это нечто вроде степной Илиады. Образ жизни, обычаи, нравы, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее». Тексты Радлова записаны во время его путешествия по Сибири и Средней Азии, в 1862 и 1869 гг., и охватывают всю эпическую трилогию (всего 12454 стиха, из них 3005 — «Семетей» и «Сейтек») ³. Варианты, записанные Радловым, имеют неполный и несколько случайный характер, поскольку главное внимание собирателя было обращено на язык. Тем не менее они представляют для исследователя очень большой интерес как свидетельство эпической традиции XIX в. За рубежом записи Радлова, опубликованные с параллельным немецким переводом, до сих пор являются едва ли не единственным источником знакомства с киргизским эпосом, а наблюдения Радлова над исполнением киргизских сказителей послужили основой для постановки проблемы взаимоотношения традиции и импровизации в народном эпическом творчестве⁴.

Начало изучения «Манаса» в советскую эпоху положено было работами казахского писателя Мухтара Ауэзова, выдающегося знатока и исследователя героического эпоса и фольклора народов Средней Азии⁵. Творчество киргизских сказителей «манасчи» исследовал рано скончавшийся фольклорист Калим Рахматуллин⁶, исторические корни эпического сказания — ныне покойный историк Киргизии проф.

¹ См. «Манас», кн. 1 и 2. Институт языка и литературы Академии наук Киргизской ССР, Фрунзе, 1958—1959 (на кирг. языке). На русск. языке см.: «Манас». Киргизский эпос. «Великий поход», часть 1. Пер. С. Липкина, Л. Пеньковского, М. Тарловского. Вступ. статья Е. Мозолькова и У. Джакишева. ГИХЛ, М., 1946. «Манас». Эпизоды из киргизского эпоса. Пер. С. Липкина и Л. Пеньковского. ГИХЛ, М., 1960.

² См. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова, ред. Н. И. Веселовского, СПб., 1904 («Записки Русского географического общества по отделу этнографии», т. 29, стр. 71—74 и 208—222). Первый из этих двух отрывков, содержащий общие сведения об эпосе, был опубликован при жизни автора в его «Очерках Джунгарии» (Записки Русского географического общества, 1861).

³ В. В. Р а д л о в. Образцы народной литературы северных тюркских племен, часть V, СПб., 1885, стр. 1—368. — Немецкий перевод: W. R a d l o f f. Proben der Volksliteratur der nördlichen türkischen Stämme, V Teil, St. Petersburg 1885, S. 1—371.

⁴ См.: W. R a d l o f f. Proben..., V Teil, Vorwort, S. XVI—XXII.

⁵ В настоящее время см.: Мухтар А у э з о в. Мысли разных лет. Исследования и статьи. Алма-Ата, 1959 («Киргизский героический эпос „Манас“», стр. 479—555).

⁶ Калим Р а х м а т у л л и н. Манасчылар. Фрунзе, 1942 (на кирг. языке).

А. Н. Бернштам⁷, этнографические элементы эпопеи — С. М. Абрамзон⁸, ее место в развитии киргизской устной и письменной литературы — проф. М. И. Богданов⁹. В настоящее время Институт мировой литературы им. А. М. Горького подготовил к печати сборник, посвященный эпосу «Манас», с участием научных работников Москвы, Ленинграда и Киргизии.

Необычайно обширная по своим размерам, богатая действующими лицами и эпизодами, киргизская эпопея слагалась в течение многих столетий. По вопросу о времени сложения ее сюжетного ядра и лежащих в его основе исторических событиях из прошлой жизни киргизского народа высказывались две точки зрения.

Согласно первой, исторические основы эпоса восходят к древнейшей нам известной эпохе существования киргизского кочевого общества в верховьях Енисея (в южной Сибири и северо-западной Монголии), ко времени широкой военной экспансии киргизского кочевого государства в IX в. в борьбе с китаицами и соседними тюркскими племенами, времени «киргизского великодержавия», как обозначил его акад. В. В. Бартольд. Согласно гипотезе, которую отстаивал проф. А. Н. Бернштам, древнейшей частью эпопеи является «великий поход» Манаса на Бейджин, который будто бы отражает воспоминания о блестящей победе, одержанной киргизами над уйгурами в районе рек Орхон и Тола (в северо-западной Монголии), — победе, положившей конец существованию уйгурского государства (по-китайским источникам — в 840 г.). Название столицы этого государства, уничтоженной киргизами, — по-китайски Бейтин (в тюркских языках Беш-Балык), было в исторических условиях более позднего времени переосмыслено как Бейджин (т. е. Пекин), столица «великого Китая», завоевание которого составляет содержание легендарного «великого похода» Манаса. Эта гипотеза подсказала круглую дату «тысячелетия» эпоса «Манас» и получившую довольно широкое распространение идею общественного празднования этой даты.

Другая точка зрения была выдвинута автором настоящей заметки¹⁰. Согласно этой точке зрения, воспоминания древнейшей («енисейской») эпохи жизни киргизского народа перекрыты в «Манасе» более поздними событиями среднеазиатского периода его истории, в центре которого стоят «калмыцкие войны» (XV—XVIII вв.), определившие основное историческое содержание киргизского эпоса (как и богатырских сказаний других народов Средней Азии — узбеков, казахов и каракалпаков). К этому периоду относится большинство исторических имен как киргизских, так и калмыцких богатырей, упоминаемых в эпосе; некоторые из первых встречаются и в казахско-ногайских эпических песнях, которые имеют с «Манасом» ряд точек соприкосновения и восходят к историческим преданиям времен ногайской орды (конец XIV—XVI вв.). «Ногайские былины», писал Ч. Ч. Валиханов, прекрасный знаток эпической традиции своего народа, «... существуют у кайсаков [т. е. казахов], узбеков, ногайцев и у киргиз. Надо полагать, что под ногаями первоначально разумелись в Средней Азии все кочевые племена турецкого [т. е. тюркского] происхождения, говорившие татарским языком, как калмыками назывались кочевники, говорившие по-монгольски. Ногайские предания относятся к XIV, к XV и XVI векам»¹¹. «Довольно странно и замечательно, что все почти кочевые народы среднеазиатских степей всё древнее приписывают ногаям и многие почитают их своими предками»¹². Следует отметить, что в записи Валиханова Манас также называется «владельцем ногайцев»¹³, а в версии Орозбакова он является внуком Ногай-хана.

До сих пор предыстория «Манаса» могла строиться только на сравнении современных записей с источниками середины XIX в. (Валиханов и Радлов) и на реконструкциях гипотетического характера. В настоящее время неожиданное открытие не известного ранее рукописного свидетельства, восходящего, по-видимому, к XVI в., значительно углубило перспективу документированной истории киргизской эпопеи.

Работая над «Описанием персидских и таджикских рукописей Восточного факультета Ленинградского государственного университета», доцент ЛГУ А. Т. Тахирджанов обратил внимание на таджикскую рукопись начала XIX в., озаглавленную «Маджму ат-Таварих» («Собрание историй»), которая содержит несколько эпизодов, связанных с именем Манаса. Основной сюжетной канвой этого сочинения служит история шейхов г. Касана в Ферганской долине и их действительных или легендарных предков, доведенная до начала XVI в. Автором его является мулла Сайфиддин Ахсикенди, сын дамулы Шах-Аббаса, житель кишлака Ширкент, находящегося неподалеку от

⁷ А. Н. Бернштам. Историческое прошлое киргизского народа. Фрунзе, 1942, стр. 11—13; Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI—VIII вв. Восточно-тюркский катанат и кыргызы. Изд. АН СССР, 1946, стр. 52—53; Эпоха возникновения великого киргизского эпоса «Манас» (Альманах «Киргизстан», Фрунзе, 1946, стр. 139—149); Мазар Манаса. Фрунзе, 1946. Ср. С. Е. Малов. «Манас», рецензия («Изв. отд. лит. и языка АН СССР», 1947, вып. 2, стр. 171—172).

⁸ С. М. Абрамзон. Этнографические сюжеты в эпосе «Манас» («Советская этнография», 1947, № 2, стр. 134—154).

⁹ Медина Богданова. Киргизская литература. М., 1947, стр. 49—76.

¹⁰ В. Жирмунский и Я. Введение в изучение «Манаса». Фрунзе, 1948.

¹¹ Ч. Ч. Валиханов. Сочинения, стр. 70.

¹² Там же, стр. 293.

¹³ Там же, стр. 72.

Касана, в северной части Ферганской долины. Как установил А. Т. Тахирджанов на основании исторических фактов, упоминаемых в рукописи, сочинение это написано в первой четверти XVI в.

Другая копия того же сочинения хранится в собрании рукописей Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (бывший «Азиатский музей») и была описана в 1899 г. акад. В. В. Бартольд. В. В. Бартольд установил время написания «Собрания истории» X в. хиджры (1494/1495—1591/1595 гг. н. э.) и отметил его недостоверность как исторического источника¹⁴. Действительно, сочинение муллы Сайфиддина имеет полуйсторический-полудеянный характер, но для нас оно в высокой степени интересно упоминаниями о Манасе, на которые В. В. Бартольд не обратил внимания, восходящими, по всей вероятности, к устной народной эпической традиции. Изучением этого сочинения занимается в настоящее время научный сотрудник Института востоковедения историк В. А. Ромодин. В своем докладе, прочитанном 12 ноября 1959 г. в соединенном заседании восточной комиссии и отделения этнографии Всесоюзного географического общества, он поделился со слушателями первыми результатами своих исследований, которые положены, с разрешения докладчика, в основу настоящего сообщения.

Манас в «Собрании истории» поставлен в обстановку XIV в. и связан с золотоордынским ханом Тохтамышем и другими историческими лицами, ханами Моголистана (Камар ад-Дин, Инка-тора и др.), с которыми воевал Тимур. Манас и его сородичи называются «кыбчаками»; он — сын Якуб-бека (в эпосе Джакыша) и внук Каркары, «сердар», т. е. военачальник, Тохтамыш, участник его борьбы с ханами-соперниками; его резиденцией является Кара-Кишлак в местности Талас. Главным врагом Манаса, как и в эпосе, выступает калмыцкий хан Джолой, ставка которого находится в местности Кырк-куль («Сорок озер»). Из других географических пунктов часто упоминается «Озеро» (очевидно, Иссык-куль), а также Каркара и Ат-Баши, которые связаны с эпосом и в киргизском предании.

В сочинении имеется несколько эпизодов, посвященных борьбе между Манасом и Джолоем. В одном из этих эпизодов рассказывается о первом богатырском подвиге Манаса. Джолой, в отсутствие Манаса, нападает на Кара-Кишлак и уводит в плен Якуб-бека, отца Манаса. Манасу в это время было 12 лет. Извещенный о происшедшем своим дядей Карнасом, братом Якуба (фигура эта эпосу неизвестна), он, во главе «сорока каркаринских молодцов» (в эпосе «кырк-чоро» — 40 дружинников Манаса), преследует врагов, обращает их в бегство и освобождает отца из плена. Узнав об этом, хан Джолой отправляет против Манаса сорокатысячное войско по главе со своим дядей Джондолоем (или Чондолоем — фигура, также не известная эпосу). В поединке Манас убивает Джондолоя и обращает в бегство калмыцкое войско. В дальнейшем сообщается о двух поединках между Джолоем и Манасом; в последнем из них Манас побеждает и убивает своего противника.

Эпизод освобождения Манасом своего отца из калмыцкого плена по своему содержанию совпадает с рассказом эпоса о детстве Манаса и его первом подвиге¹⁵. Калмыки, рассказывает эпос, подчинили себе и поработили киргизов, отец Манаса Джакыш и все его родичи сделали их данниками. Мальчик Манас (в возрасте 9-ти или 6-ти лет) совершает свой первый подвиг, убивая насильников — калмыков, угоняющих стада его отца, освобождает народ свой от калмыцкого ига и после этого, по народному избранию, становится ханом киргизов.

Второй эпизод рассказывает о попытке отравить Манаса, предпринятой по приказу калмыцкого хана Джолоя. Во времена хана Фулата (или Пулата, одного из соперников Тохтамыша) был человек по имени Тообай (или Тубай), из племени Джете, перешедший на сторону калмыков. Он принял калмыцкую веру, и Джолой дал ему в жены одну из своих дочерей. На советании Джолой со своими людьми решает подослать Тообая к Манасу, чтобы отравить этого последнего. Тообай берет с собой пять калмыков, приводит их связанными к Манасу, вырезав им языки, и уверяет Манаса, что он спасся бегством из калмыцкого плена. Манас доверчиво принимает беглеца, вопреки предостережениям своего дяди Карнаса. В доказательство своей верности Тообай по приказу Манаса отрубает головы своим спутникам-калмыкам. В дальнейшем Тообаю удается подбросить яд в пищу, которую подносит Манасу его дядя. Когда преступление раскрывается, Карнас подвергает изменника мучительной казни. Но Манас отравлен и близок к смерти. Излечить героя удается только его духовному наставнику, шейху Сейиду Джелал ад-Дину, с помощью посетившего Манаса в сношении святого Ай-ходжа, который указывает ему целебное средство. Этот рассказ также имеет близкое соответствие в эпосе в эпизоде отравления Манаса его родичами (Кёзкаманами), который был в двух разных вариантах записан Радловым (песнь III, стихи 1627—2686, и песнь V) и известен также в других, современных версиях.

Дядя Манаса, брат его отца Джакыша, прозванный Кёзкаманом, жил среди калмыков, женился на калмычке и сам окалмычился. Эпос весьма картинно и с юмором изображает возвращение на родину этих родичей Манаса, ставших «язычниками»-калмыками, их чужеземную наружность, костюм, язык, обычаи и поведение. Обра-

¹⁴ См. «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XII, 1899, СПб., 1900, протоколы заседания отделения 11 марта 1899, стр. V—VI.

¹⁵ См. Сагымбай О р о з б а к о в. Детство Манаса, Фрунзе, 1940 (на кирг. языке).

тившись притворно в мусульманство, сыновья Кёзкамана сразу начинают интриговать против гостеприимно и доверчиво принявшего их Манаса. Они решают подмешать отраву в бузу и арак, когда он пирует с дружинниками, и убить его, когда он обесилеет. Умирающего Манаса спасает один из дружинников, а исцеляет его верная жена Канькей. В более архаической версии Радлова речь идет о смерти и воскрешении героя; у Орозбакова чудесный мотив воскрешения ослаблен. Мы имеем здесь древний сюжет богатырской сказки, широко распространенный в тюркском и монгольском эпосе в его наиболее архаических образцах (алтайские эпические сказания «Алтай-Бучай» и «Когутуй», бурятские «Аламжи-мерген» и «Айдурай-мерген»¹⁶, многие якутские «олонхо» и др.); герой, убитый своими коварными родичами или врагами, иногда при участии неверной жены или изменницы-сестры, воскрешается либо своим богатырским конем, который приносит ему живой воды (или лечебного зелья), либо, как в волшебной сказке, другим благодарным животным, либо — в позднейшую эпоху — сестрой или верной женой. Сюжетное сходство «заговора Кёзкаманов» с целой группой древних богатырских сказок тюркских и монгольских народов Сибири и Центральной Азии заставляет отнести этот сюжет к числу типологически наиболее древних, прикреплённых к имени героя киргизской эпопеи¹⁷. Найденный исторический памятник свидетельствует о том, что эпизод этот был известен уже в начале XVI в. Мусульманский шейх или святой, покровитель героя, заменили в роли целителя его верную жену в соответствии с содержанием и общим характером этой «истории шейхов».

Новые материалы, сообщенные в докладе В. А. Ромодина, не дают основания, разумеется, для того, чтобы считать Манаса историческим героем второй половины XIV в., современным или полководцем Тохтамыша, каким его изображает псевдо-историческое произведение XVI в. Достаточно напомнить, что столкновения среднеазиатских народов с калмыками относятся к исторически более позднему времени (не ранее самого конца XIV в., а в основном с XV в.)¹⁸. Исторический фон повествования о Манасе является, по всей вероятности, позднейшим домыслом «ученого» писателя XVI в. или пересказом слышанных им легенд; однако существенно то обстоятельство, что Манас мог в это время так легко ассоциироваться с историческими воспоминаниями золотоордынской эпохи, с кипчакско-ногайской исторической средой. Точно так же использование лишь нескольких эпизодов эпопеи, в частности — первого подвига Манаса и его отравления родичами-изменниками («перебежчиками»), не может служить основанием для утверждения, что другие эпизоды эпоса, не использованные в «истории шейхов», не существовали в то время в устной народной эпической традиции. Однако характерно, что «великий поход» на Бейджин, который рассматривался многими исследователями как древнейшее историческое ядро «Манаса», отсутствует в этом рассказе, как он отсутствует у Валиханова и Радлова. Мы склонны видеть в нем сравнительно позднее образование, как и в самом представлении о калмыках, отождествляющем их с китайцами как своего рода вассальное племя «великого Китая», ибо подчинение калмыков китайцам связано в основном с историческими событиями XVIII в. В качестве древних персонажей эпоса в произведении XVI в. засвидетельствованы Манас с его 40 дружинниками, его отец Якуб, его антагонист калмыцкий хан Джолой; рядом с ними упоминаются еще две параллельные фигуры — дядя Манаса Карнас и дядя Джолоя Джондолой, либо не сохранившиеся в эпической традиции, либо вообще не традиционные. С другой стороны, в тексте XVI в. отсутствует главный антагонист Манаса в современных версиях — вражеский богатырь Конгурбай, калмык и в то же время китайский царевич. Если правильно предположение, что историческим прототипом Конгурбая является реальное историческое лицо — известный калмыцкий вождь второй половины XVI в. хан-ноён Хонгор, отразившийся в калмыцкой «Джангариаде» в образе наиболее прославленного из богатырей Джангара — Буумин-Улап-Хонгора¹⁹, то отсутствие его имени в тексте начала XVI в. становится исторически понятным: Конгурбай, вероятно, лишь в более позднее время отнесли в эпосе калмыцкого богатыря Джолоя как исконного, во многих отношениях более архаического, антагониста Манаса.

Из сказанного очевидно выдающееся значение сделанного открытия для дальнейшего исторического изучения эпоса «Манас». Необходимо скорейшее опубликование обещанного исследователями русского перевода обнаруженного ими нового материала, который сделает его доступным для более широких кругов исследователей и ценителей киргизской эпопеи.

В. М. Жирмунский

¹⁶ См. недавнюю публикацию проф. Ринчена (Монголия): «Пятнадцатилетний Айдурай Мерген и его сестра Агу-Тохон. — Аламжи Мерген Хубун и его сестрица Агуй Тохон Духэй». Эхрит-вулгатские эпопеи. Перевод Ц. Ж. Жамцарано. Улан-батор, 1959. Ср. «Аламжи-Мерген». Бурятский эпос. Стихотворный перевод И. Новикова, вводная статья и комментарий Г. Д. Савжеева. Изд. «Academia», М., 1936.

¹⁷ См. В. Ж и р м у н с к и й. Введение в изучение «Манаса», стр. 28.

¹⁸ См. В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, изд. 2-е, Фрунзе, 1942 стр. 72 и след.; W. B a r t h o l d. Kalmuks (Encyclopédie de l'Islam, T. II, Leyden—Paris, 1927, p. 743—744).

¹⁹ См. В. Ж и р м у н с к и й. Введение в изучение «Манаса», стр. 64—65.